

№ 6 ИЮН 1981

Московский писатель Владимир Маканин дебютировал в середине шестидесятых годов — в то самое время, когда лирики были «в загоне», а физики — «в почете». Тогдашний взрыв общественного интереса к сфере точных наук и правда породил некий восторг уже по отношению к представителям этой сферы. Вошли в моду ироничные, интеллектуальные герои, убежденные, что столбовая дорога нравственного прогресса пролегает где-то в районе Ленинских гор или новосибирского Академгородка. Примерно такие герои — два начинающих математика, Володя Белов и Костя Князеградский, — действовали и в первом романе В. Маканина «Прямая линия». Они самоотверженно работали в сложной лаборатории, мечтали о славе и спасении человечества от атомной войны. Но в первой же реальной перепалке — произошла авария на полигоне, и требовалось найти виновников — блестящий и хладнокровный Костя тихо, «рационально» предавал своего друга — не столь рационального и не столь хладнокровного... И то, что Володя Белов так и не мог пережить случившегося и умирал от разрыва сердца в самолете, придавало столкновению предельную остроту. Молодой писатель, между прочим, сам математик по образованию, словно подавал сигнал смертельной — в буквальном смысле слова — опасности: когда рациональность точных наук переносится в человеческие отношения.

Мода «на физиков» прошла, как любая мода. Но, может быть, отчасти как реакция на былые простодушные иллюзии, выработалась повышенная осторожность к своеобразному «технократическому сознанию», которое олицетворял и Костя Князеградский (и которое, кстати, с равным успехом может быть присуще и «физику», и «лирику»). Этот тип сознания обладает способностью «для пользы дела» освобождать себя от различных осложняющих жизнь подробностей, в число которых иногда попадает и то, что, по Маканину, «называют так, то иначе, но чаще всего совестью».

После «Прямой линии» Владимир Маканин выпустил несколько сборников. Можно сказать, что год за годом он исследует судьбу примерно одного и того же поколения, к которому принадлежит сам, — тех, кого «забросило» в Москву «поездами 54-го года», кто стал студентом, а потом специалистом и сначала азартно, с «провинциальной жадностью», а потом деловито осваивался, встал в жизнь огромного города. «Мы и сами не знали, какие мы, — пишет об этом в повести «Валенка Чекина» В. Маканин. — Это было скрыто и еще не проявлено внутри волны — заметна была лишь сама волна». И дальше: «Прошло много лет... Наша волна давно перестала быть волной, кончилась или, скажем, растеклась. И даже брызги этой волны давно опали...» Вот эти самые «брызги» былой волны, слившиеся с прочим житейским морем, пристально рассматри-

вает писатель, рисуя свои «портреты» современников.

Мы видим в его рассказах и повестях былых юных гениев тридцатилетними и сорокалетними, познавшими вкус неудачи и компромисса, семейных хлопот и житейских забот. Маканин пишет так называемую бытовую прозу. Но сумбурную материю быта он воссоздает с такой художественной силой и концентрацией, что один из его рецензентов вспомнил знаменитое чеховское: «Люди обедают, просто обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни».

Какие же они?

Вот преуспевающий доктор наук Юрий Стрепетов из рассказа «Отдушина». Может быть, это сорокалетний Костя Князеградский?.. Достигший признания и жизненного комфорта, Стрепетов угнетает ка-

Наташе. «Я не представляю, как мы с тобой оправдаемся... Перед нашими», — подавленно и вместе с тем настойчиво уговаривает его Наташа. Но и Ключарев упрям и отвечает так: «Не перед кем мне оправдываться». О, как стремительно его настигает расплата за это упрямство и нежелание считаться с «нашими», как решительна и безжалостна в своей мести хрупкая Наташа! «Если ты не помогаешь нам, то ведь ты нам тоже не нужен», — отрезает она. От Ключарева не только немедленно закрываются двери гостеприимного прежде Наташиного дома, не только отверчиваются ее и былые его приятели. Ему вдруг почему-то перестают давать переводы, которые он делал много лет, — это действует все та же невидимая и могучая Наташина рука, это «услуга», которую

КЛЮЧАРЕВ И ДРУГИЕ

Заметки о прозе Владимира МАКАНИНА

кой-то внутренней пустотой, холодностью и неприкаянностью.

Героя другого рассказа «Ключарев и Алимущкин» — инженера Ключарева вдруг начинает непостижимо томить мысль о малознакомом белолаге Алимущкине, на которого обрушивается град неприятностей. Ключарев, словно магнитом притягиваемый, навещает Алимущкина, интересуется его здоровьем, одалживает ему денег, ухаживает за ним. А Алимущкин все равно угасает... Что за этим сюжетом? Еще одна история фатальной современной «некоммуникабельности»? Нет, тут скорее проба на человечность: какая сила способна разрушить рамки этой самой «некоммуникабельности», пробиться к чужой душе и передать ей часть собственной силы. Человечность Ключарева в данном случае слишком слаба, отмерена, формальна. Ее природа не в боли за Алимущкина, а в бескойстве за собственное душевное равновесие, которому намечилась опасность. Поступки, продиктованные такими мотивами, не могут что-то серьезно изменить, словно утверждает писатель, — потому и остается глух и безучастен к сочувствию Ключарева Алимущкин.

В «Повести о старом поселке» есть такой эпизод. Однажды на дружеской вечеринке герою — его фамилия тоже Ключарев — между делом дают на отзыв научную работу, «статью какого-то милого молодого человека». Ключарев — кандидат наук, работает «в достаточно известном и звучном НИИ», потому оказывает маленькую услугу очаровательной Наташе Гусаровой, хозяйке дома, куда вхож и «милый молодой человек», на этот раз выпадает случай именно ему. Однако, прочитав статью, он убеждается, что она решительно никуда не годится, и сообщает об этом

теперь оказал ей кто-то другой, а направлена эта «услуга» против строптивого Ключарева.

Маленький, будничный эпизод, и Ключарев в нем отнюдь не герой и сам иронизирует над собой. Но неподдельные досада и боль, вызванные в нем этим случаем, его напряженный поток мыслей, то, что он заново возвращается к своему детству в рабочем поселке, даже уезжает туда внезапно, — все это для писателя знак серьезности и не мелочности происходящего. Именно так, буднично, и подвергается в повседневно испытанию человеческая нравственность, способность остаться самим собой и не изменить своим принципам. И это совсем не просто. В большом городе, думает Ключарев, есть «свои хуторки, деревеньки и поселки», есть «группа Наташи Гусаровой», где, «разумеется, никто и никому клятв не дает и договором не скрепляет, но... как-то само собой понимается, что если он, Ключарев, приходит к Наташе Гусаровой в дом, то однажды ему приходится что-то такое для нее или для них сделать». «Этакое взаимное существование», — понимает он. И здесь свои нормы и свои понятия о справедливости, с чем он, Ключарев, и не смог примириться.

Повседневное испытание нравственности — это главная тема Владимира Маканина.

...Хорошо, что один из последних сборников Маканина — «Ключарев и Алимущкин» — вышел именно в «Молодой гвардии». Проза Маканина нужна молодому читателю. Помимо того, что это просто интересная современная проза, это еще и очень нужная «прививка» от соблазна усвоить «старые, как мир, истины», не открывая их самостоятельно, а затвердив как некую сумму знаний.

В. САГАЛОВА.